

29955

ПИМЕН ПАНЧЕНКО

ТЕБЕ, БЕЛАРУСЬ!

Молодая Гвардия
1942

Пимен ПАНЧЕНКО

ТЕБЕ, БЕЛАРУСЬ!

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

*Авторизованный перевод
с белорусского
Ц. СОЛОДАРЯ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

1 9 4 2

СОДЕРЖАНИЕ

Тебе, Беларусь!	5
Правнук	7
На кладбище	8
Письмо комсомольцу	10
Разведчик	12
Конь	14
Суд	16
Угощение	18
Саша	20
Баллада о комсомоль- ском гневе	22
Дети войны	24
Мы отомстим!	26
Бойцу, первым сту- пившему на белорус- скую землю	28
Огненный год	30
Возвращение	31

Редактор М. ДАЛЬЦЕВА. Обложка М. Ильина.

*Подписано к печати 7, IX 1942 г. Л75424. Тираж 30.000. 1 печ. л.
39000. зн. в 1 печ. л. 0,86 уч-изд л. Заказ № 1395. Цена 50 коп.*

*Ф-ка юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.*

Поэт-комсомолец Пимен Панченко с первого дня отечественной войны работает во фронтовой печати.

Вместе с действующими частями Красной Армии молодой поэт прошел тяжелый путь отступления из родной Белоруссии и познал радость возвращения в первые белорусские селения, отбитые у немецких захватчиков. Эти две вехи определяют фронтовое творчество поэта.

Рассказы ходоков и письма из партизанских отрядов позволяют судить о популярности, которой пользуется на захваченной оккупантами белорусской земле фронтовое творчество белорусских поэтов. Их стихи проникают к белорусскому народу через все препятствия и находят в его сердце самый горячий отзвук. Среди этих стихов можно назвать и ряд произведений Пимена Панченко («Саша», «Возвращение», «Мы отомстим!», «Тебе, Беларусь!» и другие).

В настоящий сборник включена только часть фронтовых стихов Панченко, главным образом те, которые приобрели большую популярность среди белоруссов—

воинов Красной Армии и по ту сторону фронта — в партизанских отрядах и в белорусских селениях, томящихся под пятой немецких захватчиков.

Любовь к родной Белоруссии и ненависть к врагам, закабалившим ее, — вот что красной нитью проходит через стихи Пимена Панченко. В них сквозит глубокая вера в освобождение родной земли, в разгром немецких полчищ, затопивших в крови белорусскую землю.

Эта книжка не претендует на исчерпывающий показ поэтического творчества молодого поэта за год войны. Однако русский читатель сможет увидеть в ней всю силу благородных патриотических чувств и стремлений, которыми охвачено молодое поколение свободолюбивого белорусского народа.

Ц. С.

ТЕБЕ, БЕЛАРУСЬ!

Ты лети, мое слово, чрез леса и поля,
Пусть услышит кранна моя дорогая:
Беларусь, ты моя, ты родная земля,
Верным сердцем сыновьим с тобою всегда я.

Беларусь, ты вскормила меня и вспоила,
Материнскою песней меня вдохновила.
Я заботу читал в твоих нежных очах.
Полюбил я задумчивый шелест березы,
Полюбил предрассветные чистые росы
На твоих, на моих изумрудных лугах.

Тяжко верить, что кровью забрызган мой дом
И все то, что до боли мне любо и дорого,
Все затоптано злобным фашистским зверьем,
Опоганено каинном-ворогом.

И когда на привале при тихом костре
Вспоминается бор и ковер земляники,
Отблеск синих озер на туманной заре,

Пенье черных дроздов, солнца вешнего блики,
В сердце гаснут отчаянье, грусть и тоска,
В сердце гнев горячей и крепчает рука...

Нет, не вытоптать полчищам грязного сброда
Белорусской красы, сил родного народа!
Он, бессмертный, опять свои силы собирает,
Воскрешает он снова легенды в лесах,
Что Гаркуша-герой чужеземцев карает,
Что Кастусь Калиновский бесстрашен в боях,
Что встают из могил партизаны Дукоры —
Их отвага юнацкие силы растит,
И бушует и пенится Нарочь, как море,
Неман гневно клокочет, и Припять кипит.

Мы раздавим врага нашей силою грозной —
Сердцем, кровью и честью своею клянусь!
Никогда не погаснут ни солнце, ни звезды —
Беларусь не погибнет,
Будет жить Беларусь!

ПРАВНУК

Суровый час для нас теперь настал,
И старое сказанье я припомнил.
Давным-давно мой прадед в руки брал
Тяжелый кол, скрываясь в пуще темной.

И властно голос мщения звучал,
Когда, укрывшись в зарослях зеленых,
Он наповал укладывал плеча
Прославленных солдат Наполеона.

Со мной теперь не кол, а пулемет,
И прадеда наследие — отвага,
Она со мной теперь в поход идет,
Озарена непобедимым стягом.

Величье дел минувших не забыть —
Оно звездой становится моею.
По-партизански правнук будет бить,
Как прадед, наповал лихих злодеев.

НА КЛАДБИЩЕ

Завыли «Юнкеры». Багровыми столбами
Взлетело пламя над горящими домами.
На кладбище,
Подальше от домов и площадей,
Уводят матери испуганных детей.

Здесь тишь могил. Листою золотистой
Подернуты курганы и кресты.
Но — снова завыванье.

С высоты
На кладбище пикируют фашисты.
Их, приносящих горести и пытки,
Склоненный крест пугает, как зенитка.
И коршун кружит над прохладой ветвей,
И ужас леденит сердца детей.
И все вокруг со свистом закачалось,
И дым небесную лазурь пятнает вновь.
Детей убитых брызнувшая кровь
С костями встревоженными прадедов смешалась.

Листву березовую пламя лижет,
А дряхлый крест еще склонился ниже...

Проходит день и вечер.

И в ночи

Еще проклятье матери звучит.

Крест догорает только на заре —

Немой свидетель горя матерей.

РАЗВЕДЧИК

Над рекою в лозах редких
Плавает густой туман.
Пробирается в разведку
Неприметно партизан.
Каждый кустик парень знает,
Все излучины дорог.
Вот и луг, где за сараем
Он сгребал высокий стог.

Показалось на мгновенье,
Что идет он на покос.
Слышит кос веселых пенье
Над прохладой чистых рос.
Постоял. Вздохнул. Приладил
За плечами автомат...
Вот и луг остался сзади,
Звезды бледные горят.

Из-за статных сосен робко
Подымается рассвет.

Партизан на узких тропках
Ясно видит вражий след.
Тишина. Но где-то близко
Притаился черный стан...
Над землей склонившись низко,
Проползает партизан.

Он ползет опушкой леса,
Скрытый мокрою травой.
На пригорке под навесом
Ходит немец-часовой...
Парень смотрит: много ль гадов?
Надо точно знать ему.
Партизанская граната
Поднимает кутерьму.

Парень смотрит и считает,
Не упустит ничего, —
Помнит он, что там, за гаем,
Эскадронный ждет его.
Парень знает: эскадроны
Налетят — не удержать!
Будут черные вороны
Трупы врагов клевать.

КОНЬ

Минуя заслоны, из вражьего тыла
К своим пробирался отважный разведчик.
На синие травы, на хвою густую
Уже опускался медлительный вечер.

Добраться б скорее! Про замыслы немцев,
Про все рассказать своему капитану.
Да ноги не служат, и сердце ослабло,
И ноет еще не зажившая рана.

Прилег он. А сосны приглушенно стонут,
Вдали откликаются скорбно дубравы.
От пролитой крови бойца молодого
Вокруг оживают заснувшие травы.

Горячее ухо к земле приложил он —
И лес ему жалобой горькой ответил.
Услышал разведчик плач матери старой,
Что сохнет в тоске по замученным детям.

Он снова все вспомнил, что видел в разведке
На нивах распятой родной Беларуси, —
И боль превозмог он, и на ноги встал он,
И сам приказал он себе: доберусь я!

И вдруг из-за хвой, как в сказке старинной,
Крестьянин коня вороного выводит.
Конь стукнул копытом и звякнул уздечкой.
Старик молодому вручает поводья:

«Товарищ, возьми моего вороного,
Того, кем семья наша так дорожила.
На поле широком, на пыльных дорогах
Немало мне верой и правдой служил он.

Садись, мой товарищ, лети, мой товарищ,
Тебя не запутают тропы кривые.
Мчись лесом, мчись яром, мчись топким болотом,
Скорей приведи к нам полки боевые». —

«Мы скоро вернемся, ты жди нас, родимый»,
Сказал старику на прощанье разведчик.
Помчался, как ветер, и след вороного
Старательно скрыл опустившийся вечер.

С У Д

Смолк громоподобный гул орудий —
Высыпал на улицы народ.
Собираются на площадь люди
На свободный, свой, крестьянский сход.

Жизнь пришла в обугленные хаты,
Прояснились грустные глаза.
Все село встречает бородатых
Юношей — отважных партизан.

Только кто, побитый, волочится
Средь толпы своих односельчан?
Это тот, кто продался убийцам,
Кто служил фашистским палачам.

От тупого страха посинел он,
Но идти вперед ему велят.
Исподлобья кинет взгляд несмело
И дрожит, ответный встретив взгляд.

А допрос все тверже и суровой...
«Напоследок, негодяй, не лги:
Сколько пролил ты народной крови,
Заплатили чем тебе враги?

Ты водил фашистов по дорогам,
Продавал им наших ты сестер.
Нет, не может мстителей растрогать
Твой слезливый и молящий взор!

Ты копал могилу кровным братьям,
Сапоги захватчикам лизал.
Пуля и народное проклятье —
Вот тебе отплата!..»
Грянул залп.

УГОЩЕНИЕ

Офицер побагровел от злости —
Снеди нет в амбарах, скрылись люди.
«Эй, старик, переломаем кости,
Если угощения не будет!»

Чует старый сердцем: будет лихо,
Пистолетами бряцают каты.
И сказал седой колхозник тихо:
«Угощу вас, заходите в хату».

Запер накрепко он в сени двери.
Словно тучи, потемнели очи...
Десять немцев, десять офицеров
За столом расселись и гогочут.

«Что ж ты тянешь? Подавай живее
Лучшую закуску белоруссов!» —
«Как же, есть, кровавые злодеи,
У меня закуска вам по вкусу!»

Размахнулся он сплеча гранатой —
Молодая в нем воскресла сила...
Гневной мезтью полыхнула хата,
Мертвую деревню озарила.

У родного пал старик порога,
Сердце мужественное затихло.
А на зов пожара по дорогам
Партизаны прошумели вихрем.

На горячих конях налетели,
Начисто фашистов разметали,
И клинки отточенные пели,
Сердце человека прославляли.

САША

Можно боль заглушить и унять неумемное горе,
Можно жить вдалеке от друзей и родимой страны.
Одного не унять только — нашей бездонной, как море,
Жгучей ненависти, закаленной в горниле войны.

В ней и грома раскаты и молнии яростной вспышка,
В ней мечтания детства и матери первый рассказ...
Наша ненависть, ты, зажигая бесстрашие в нас,
На дорогу бессмертья ведешь за собою парнишку.

Саша... Саша Тышкевич... Четырнадцать лет пионеру...
Над родной Беларусью грозой зашумела война...
Саша к дому подходит. Оттуда идут офицеры.
Кличет мать — распростерлась в крови на пороге она.

Рядом — тело отца, в хате — трупик сестренки
любимой.

Саша смотрит на стены — багряные видит следы.
Сразу детство ушло — и далеко, и невозвратно.
Вышел он на порог — поседели от горя сады.

Он хотел закричать, но печаль ему горло сдавила.
Он хотел зарыдать, но слезы проронить он не мог.
«Мама, мама, проснись!» — И почудилось Саше:
«Сынок»,
Словно мертвой рукой мать на месть его благословила.

Саша в город пошел. Шагом медленным он,
возмужалый,
По знакомой дороге, размолотой танками, брел.
А вокруг в подневолье родная краина лежала,
И дымились пожарища распятых немцами сел.

Город Саше знаком. Но он видит людей незнакомых,
Слышит речь чужеземцев — и горше полыни она.
Он стоит на углу у высокого серого дома,
И в глазах его наглухо спрятана месть, не видна.

Злобно танки рокочут. Проходят шеренгами роты.
Мальчик смотрит на них. Вдруг, вздымая тяжелую
пыль,
С резким визгом гудка, подъезжая к закрытым воротам,
Показался роскошный коричневый автомобиль.

В сердце детское ненависть грозно стучится. Расплата!
Мечь срывается с рук, как преграды не знающий
шквал:

Гневным пламенем вмиг опалает машину граната.
Рядом с клочьями извергов замертво Саша упал.

И столпились враги над ушедшим в бессмертие Сашей.
Страх звериный сквозил в их пустых и бесцветных
глазах:

Если в детях советских таится такое бесстрашье,
Сколько ж гневной отваги и силы скопилось в отцах!

БАЛЛАДА О КОМСОМОЛЬСКОМ ГНЕВЕ

Сохранятся навек преданья,
Звонким песням про то цвести,
Как взрывала Шубенок Аня
Мост, врагам преградив пути.

Воздух боя сверлили пули,
Смерть шагала наперерез.
В раскаленное пекло улиц
Батальон немчуры пролез.

Но заслон стоит нерушимо,
Не пройдут здесь фашисты, нет!
Белым пламенем, черным дымом
Полыхнул комсомольский гнев.

Много их, молодых, партизанит.
Слышишь свист у речных кустов?
То на голос отважной Ани
Отозвался Андрей Кулаков.

Над заброшенной переправой
Слышит он орудийный гром.
Растоптав камыши и травы,
Хочет враг захватить паром.

Но с поста не уйдут орлята!
Потемнела от гнева река...
Твердо держит ствол автомата
Комсомолец Андрея рука.

Офицер, покачнувшись, рухнул,
А солдаты — по сторонам...
Никогда, никогда не потухнет
Наша ненависть к врагам!

Нет, товарищи, вас не двое,
Вы ведете вперед за собой
Легион молодых героев
На врага, за отчизну в бой!

...Сохранятся навек преданья.
Звонким песням про то цвести,
Как бесстрашно Шубенок Аня
Преграждала врагам пути.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Их не баюкали мы песней в колыбели,
Не видели они спокойных, светлых снов.
Тревожил детский сон зловещий вой шрапнели,
Будил их танков гул, пугали слезы вдов.

Не по-младенчески они в ночи молчали,
Когда взрывал бомбардировщик тишину,
Когда от матерей впервые услышали
Они слова про хлеб, про кровь и про войну.

Затихнет гром боев. Враг будет уничтожен.
Придет победы лучезарная весна:
Ничто покоя детского не потревожит,
Как теплый дождь, падет густая тишина.

Из опаленных хат помчатся дети в поле,
Увидят бор лесной и ясный небосклон,
Увидят в первый раз родной страны приволье,
Услышат в первый раз лесной речушки звон.

И будут жить они, цветеньем наслаждаясь...
Но в их сердца еще не раз вернется страх:
Покажется им самолетом первый аист,
Покажутся огнем зарницы в небесах.

Весенний первый гром над материнским кровом
Напомнит им кошмар ночных бомбардировок,
И часто-часто в безмятежные их сны
Врываться будут голоса войны...

МЫ ОТОМСТИМ!

Гляжу я, гляжу на запад,
Туда, где засохли березы,
Где в садике под вербою
Мне песни певала мать,
И горе меня терзает,
Глаза застилают слезы,
И гнев меня заставляет
Винтовку сильней сжимать.
Повсюду развалин пепел,
Могилы у старых сосен.
Ищи — не найдешь улыбки
На скорбных устах людей.
Сама земля причитает
В зловещую эту осень,
И ветер тоскливо шепчет:
«Проклятье тебе, злодей!»
Под сломанною вербою —
Крестьянка в стареньком платье.
Тоскливо глядит, седая,

На испепеленный кров.
И некого провожать ей,
И некого и встречать ей.
Ей только молчать осталось:
Молчанье — горестней слов.
Ей все рассказали сосны:
Как сына ее пытали.
Лежит он, прикрытый мхами,
В дремучем сыром бору.
Отсюда в глухую полночь
Жандармы, смеясь, забрали
На муки, на поруганье
Его родную сестру...
Твое наболевшее сердце
Мы снова согреем жарко,
В глазах твоих свет зажжется,
О многострадальная мать!
Спасенье идет с востока:
Гляди, как сверкает ярко
На нашем оружье солнце,
Идет вызволенья рать!
О, мать! Избавленье близко,
К тебе мы вернемся скоро.
Дети твои — нам братья,
Мы отомстим за них.
Безмерная сила наша
Сбросит ярмо позора
С моих, с отцовских пашен,
Со всех просторов родных.

БОЙЦУ, ПЕРВОМУ СТУПИВШЕМОУ НА БЕЛОРУССКУЮ
ЗЕМЛЮ

Не знаю, кто ты, — может быть, ты с Дона,
А может быть, в горах Уральских рос.
Ты первым наступления знамена
По белорусским большакам пронес.

Ты первым осушил в моих селеньях
Сиротских слез печальную росу,
И первым ты принес освобожденье
Моей сестре, скрывавшейся в лесу.

С презреньем к смерти шел ты в наступленье,
В огне боев навек себя сроднив
С красою Беларуси и с цветеньем
Ее дубрав, ее садов и нив.

И все, чем так земля моя богата,
Тебе родное — вишни под окном,
И песен звон, и сосен ароматы,
И каждый колос, каждый куст, и каждый дом.

Тебя, боец, далекий Неман кличет,
И шепчет хвоя: «Поскорей приди!»
Прославь в бою страны своей величье,
И пуля не пробьет твоей груди.

Вперед, боец! Ты должен жить — и будешь,
Чтоб покарать взбесившихся зверей.
В дыму атак, под гневный гул орудий
Ты сыном стал для многих матерей.

По всей стране в сердцах находит отзвук
Твой каждый выстрел и твой каждый шаг.
Иди вперед, боец и мститель грозный,
Не одолеет Беларуси лютый враг!

ОГНЕННЫЙ ГОД

Год горячих боев и суровых невзгод,
Год рыдающих рек и могил на полях.
Гневной местью крещен этот огненный год,
Кровью братьев записан он в наших сердцах.
Смерть бойцов на пути фронтовом стерегла
Отступала она с фронтового пути,
Когда ненависть нас в наступленье вела...
Пусть же ненависть нас продолжает вести!
Снова в битвы идет красноезвездная рать,
Снова ярость вскипает в солдатской груди.
Еще рано, боец, о боях вспоминать,
Когда ждет еще столько боев впереди.
Слышишь, месть на заре затрубила в поход,
Нас зовет преждевременность детских морщин,
Нас, боец, материнское горе зовет,
Нас зовет окровавленный пепел руин.
Пусть же пуля во имя грядущего дня
Прямо в черное сердце фашиста летит.
Грянет выстрел — сумей в краткой вспышке огня
Очертания нашей победы найти.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Медноствольный, как вылитый, высится бор,
На опушке цветов голубеет ковер,
Солнце смотрится в зеркало синих озер. —
 Это ты, моя Беларусь!

Вот и яблони посеребрила роса,
И серпом над долинами месяц встает.
Наших нив налитых молдая краса
Наших девушек в поле зовет.
 Это ты их зовешь, Беларусь!

Мною пройдено много военных дорог —
И тебя неизменной я в сердце сберег...

Бой крепчает...
И скоро к тебе я приду,
Я к груди наболевшей твоей припаду.
Я всему поклонюсь, что топтали враги.
К старой хате спеша, я ускорю шаги
 По дорогам твоим, Беларусь!

Только горько подумать, родимая, мне,
Как в глаза я взгляну истомленной стране.
Буду хату искать — ее бомба скосила,
Кликну старую мать — отзовется могила
На погосте, где ворон на старой сосне.

Что ж, какой ты ни будешь — и в пепле руин
Я узнаю тебя, твой вернувшийся сын.
Перенесшая ужасы горестных дней,
Ты мне стала, страна моя, трижды родней.

Залечу твои раны,
Осушу твои слезы
И расправлю любовно каждый листик березы.
Подниму я из пепла гранит городов,
Насажу молодые побеги садов,
Чтобы вечно цвела,
Чтобы к счастью пошла
Ты, родная моя Беларусь!
